

ЕВРАЗИЙСКИЙ ПАТЕНТ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

ОТКЛИКИ

О том, насколько эффективен евразийский патент, рассуждает канд. юрид. наук **В.И. Еременко**.

Как и всякое новое явление в общественной жизни, евразийская патентная система привлекает к себе заметное внимание, в том числе и периодических изданий. За трехлетний период она вполне доказала свою жизнеспособность. Об этом свидетельствует динамика подачи заявок в Евразийское патентное ведомство: 1996 г. – 108; 1997 г. – 458; 1998 г. – 1085. Кроме того, к 1 января 1999 г. выдано 233 евразийских патента.

В этих условиях особое значение приобретает **правильное толкование положений евразийского патентного законодательства**.

На мой взгляд, не все публикации журнала «Патенты и лицензии» отвечают данному требованию. В своей статье мне хотелось бы развеять некоторые уже укоренившиеся предубеждения относительно евразийской патентной системы и указать на ошибки при толковании положений евразийского патентного законодательства.

Довольно-таки неожиданным представляется вывод о том, что Евразийс-

кая патентная организация (ЕАПО) и государства – участники Евразийской патентной конвенции (ЕАПК) являются субъектами гражданско-правовых отношений по выдаче евразийских патентов и реализации прав, вытекающих из них, сделанный в статье В.А.Ридера «Как повысить привлекательность евразийского патента?»*.

Анализируя механизм самофинансирования ЕАПО и порядок распределения пошлин за поддержание

евразийского патента в силе, он пишет: «Получается, что приняв и разделив (по своему усмотрению) между собой деньги, уплаченные заявителями и патентовладельцами за предоставление и охрану исключительных прав, ЕАПО и договаривающиеся государства (т.е. продавцы) несут, на мой взгляд, перед плательщиками пошлин (т.е. покупателями их товара) солидарную ответственность за обеспечение этих прав».

ЕАПО (впрочем, как и национальные патентные ведомства в отношении вы-

* Патенты и лицензии. 1997. № 10. С. 6 – 12.

дачи национальных патентов) не является участником гражданско-правовых процессуальных отношений по выдаче евразийских патентов. Согласно ст. 2(5) ЕАПК ЕАПО – межправительственная организация, имеющая статус юридического лица. При этом она не является юридическим лицом государства, в котором расположена ее штаб-квартира, или какого-либо иного государства – участника ЕАПК. Поэтому ЕАПО, как и любая другая международная организация, не подпадает под юрисдикцию того государства, на территории которого расположена ее штаб-квартира.

Правоотношения по рассмотрению евразийских заявок и выдаче по ним патентов имеют международно-правовой характер. Это сфера международного права. ЕАПО не может считаться продавцом евразийских патентов, равно как и патентовладельцы – их покупателями.

Как известно, постановка вопросов – давняя традиция российского общества. Дошла очередь до евразийской патентной системы. «Кому пора получать евразийский патент?» – таким вопросом задался в своей статье М.И.Лифсон*.

По его мнению, экономическое положение, сложившееся в последние годы как в России, так и в других странах СНГ (в частности, уменьшение взаимного товарооборота), ориентирует их на преимущественное развитие торговли с дальним зарубежьем и соответственно на получение там патентной охраны. При этом М.И.Лифсон исходит из якобы общепринятого положения, что цель патентования – защита экспорта.

Однако помимо защиты экспортных поставок зарубежное патентование целесообразно при лицензировании, экспонировании изобретений на международных выставках и ярмарках, научно-технической и производственной кооперации, организации совместного производства за рубежом.

Действительно, по данным таможенной статистики, экспорт России в 1997 г. по товарным группам готовых изделий в западноевропейские страны – участницы ЕПК достиг 1 млрд. долл. США.

М.И.Лифсон приводит данные по

* Лифсон М.И. Пора получать евразийский патент. Кому?//Патенты и лицензии. 1998. № 9. С. 8 – 13.

товарной структуре российского экспорта в первой половине 1997 г., отмечая его преимущественно сырьевой характер. Однако правильный анализ товарной структуры российского экспорта (наряду со ссылкой на сокращение объема внешней торговли со странами СНГ) приводит его к странному, следуя терминологии автора, «однозначному» выводу: российские заявители больше заинтересованы в получении европейского патента.

Примечательно, что такая «заинтересованность», по данным ежегодного отчета Европейского патентного ведомства, выразилась в следующем. В 1997 г. российскими заявителями подано в ЕПВ 0,08% от общего числа заявок на европейский патент*.

Не вызывает сомнения, что анализ стратегии патентования должен основываться на факторах, прежде всего адекватно отражающих экономическую заинтересованность заявителя в получении национального или регионально-го патента. Указанное положение относится и к ставшему уже расхожим мнению о том, «что ЕАПК окажется скорее всего Конвенцией для иностранцев, со всеми вытекающими из этого последствиями»**.

Авторы подобных высказываний, звучащих как упрек евразийской патентной системе, не учитывают того факта, что во всех странах СНГ стремятся к привлечению иностранных инвестиций. Как известно, одна из форм их гарантий – обеспечение патентной охраны, в нашем случае – получение евразийского патента.

Одно из самых распространенных критических замечаний в адрес евразийской патентной системы – отсутствие в ЕАПК положения о приравнивании евразийской заявки к правильно поданной национальной заявке государственного участника. Впервые это прозвучало в статье Е.М.Буряка «Евразийская патентная конвенция в общей стратегии зарубежного патентования»***.

Ссылаясь на отсутствие в ЕАПК положения о приравнивании евразийской заявки к национальной в каждом из государств-участников, аналогичного

* European Patent Office. Annual Report 1997. Munich: EPO, 1998. P.59.

** Лифсон М.И. Там же. С.13.

*** Патенты и лицензии. 1995. № 12. С. 1 – 7.

нормам ст. 11(3) РСТ и ст. 66 ЕПК, Е.М.Буряк утверждает, что евразийская заявка не является основанием для возникновения права приоритета в смысле ст. 4А(2) Парижской конвенции. По его мнению, это еще один довод для первоначальной подачи в патентное ведомство государства – участника ЕАПК не евразийской, а национальной заявки. Якобы только это дает основание для испрашивания конвенционного приоритета при подаче евразийской заявки в силу ст. 8 ЕАПК, национальных заявок в любую страну – участницу Парижской конвенции, региональных и международных заявок на изобретения.

В чем заключается ошибочность такого подхода? На мой взгляд, автор не учитывает специфику евразийского патентного законодательства, требуя формального дублирования в ЕАПК норм, присущих иным правовым системам.

Особенность евразийского патентного законодательства по истребованию приоритета состоит в следующем. Согласно ст.8 ЕАПК право приоритета признается в соответствии с Парижской конвенцией по охране промышленной собственности. Однако менее охотно цитируют ст. 1(2) ЕАПК. Она предписывает, что никакое положение Конвенции не должно пониматься как ограничение прав, предусмотренных Парижской конвенцией, любого гражданина страны – ее участницы или лица, в ней проживающего. Принимая во внимание, что ЕАПК, согласно преамбуле, представляет собой специальное соглашение по охране промышленной собственности в соответствии со ст. 19 Парижской конвенции, неправомерно ограничивать право заявителей из стран – ее участниц на подачу евразийской заявки, служащей основанием для истребования приоритета в соответствии с Парижской конвенцией. Кроме того, необходимо учитывать норму ст. 20 ЕАПК, согласно которой РСТ и Инструкция к нему применяются в рамках евразийской патентной системы. А в случае расхождения между ними и ЕАПК применяются первые. Как известно, РСТ содержит норму о приравнивании международной заявки к правильно оформленной национальной. Иными словами, евразийская заявка может служить основанием для возникновения права конвенционного приоритета без ее формального приравнивания к национальной заявке в ЕАПК.

Иначе обстоит дело с патентными законодательствами государств – участников ЕАПК. Комментируя п. (2) ст. 4А Парижской конвенции Г.Боденхаузен пишет: *«Поскольку внутреннее законодательство страны – члена союза, где подана первая заявка, определяет, правильно ли оформлена национальная подача, можно полагать, что именно внутреннее законодательство приравнивает к национальной подаче и заявку, сделанную в какой-либо другой стране, на основании международного договора, участником которого является эта первая страна»**.

С таким выводом трудно не согласиться. Поэтому считаю уместным дополнить Патентный закон Российской Федерации и патентные законодательства других государств – участников ЕАПК нормой о приравнивании заявки на выдачу евразийского патента к национальной.

По существу прибегнув к упомянутой выше аргументации Е.М.Буряка, М.И.Лифсон «творчески» развивает положения своего предшественника о негативных последствиях неприравнивания евразийской заявки к правильно поданной национальной заявке. При этом, однако, он адресует свою озабоченность иностранным инвесторам – потенциальным владельцам евразийских патентов. Понимая, что утрата конвенционного приоритета им не страшна, поскольку при получении евразийского патента они преимущественно пользуются международной процедурой РСТ, М.И.Лифсон пытается найти новые изъяны в ЕАПК.

Так, утверждает, что при столкновении приоритетов национальной и евразийской заявок (патентов) в одном или нескольких договаривающихся государствах правомерен отказ в силе евразийского патента, поскольку евразийская заявка, не имеющая якобы оснований для установления конвенционного приоритета и подаваемая через другое национальное ведомство договаривающегося государства, не может включаться в уровень техники с даты ее публикации. Попутно отмечу, что согласно правилу 3 (1) Патентной инструкции к ЕАПК в предшествующий уровень техники включается любая за-

* Боденхаузен Г. Парижская конвенция по охране промышленной собственности: Комментарий. М.: Прогресс, 1997. С. 53.

явка на выдачу евразийского патента на дату ее подачи при условии, что она или выданный по ней евразийский патент будут опубликованы в установленном порядке.

Иными словами, наш критик анализирует ситуацию, когда «евразийская заявка подавалась через свое национальное патентное ведомство с указанием в дальнейшем выдачи патента в другом договаривающемся государстве», и обосновывает этим «отказ в признании конвенционного приоритета евразийской заявки».

Указанная точка зрения лишена правовых оснований и свидетельствует о превратном понимании ее автором механизма действия **права конвенционного приоритета**, в том числе **в рамках евразийской патентной системы**.

Напомню, что согласно ст. 8 ЕАПК право приоритета признается в соответствии с Парижской конвенцией по охране промышленной собственности. В ст. 14 (iv) ЕАПК предписывается, что Патентная инструкция касается материальных норм патентного права, включая, в частности, определение и действие права приоритета. Данному вопросу в Патентной инструкции посвящено правило 6, в п. (1) которого сказано, что приоритет изобретения может быть установлен по дате подачи предшествующей заявки в соответствии со ст. 4 Парижской конвенции, если в ЕАПВ она подана в течение 12 месяцев с указанной даты.

Следовательно, право заявителя истребовать при подаче евразийской заявки конвенционный приоритет по одной или нескольким предшествующим заявкам, поданным в любом государстве – участнике Парижской конвенции, несомненно. Как указывалось ранее, полемика велась относительно оспаривания права заявителя на основе евразийской заявки использовать конвенционный приоритет при подаче в течение срока приоритета национальных заявок в любую страну – участницу Парижской конвенции либо при подаче региональных заявок (африканских и европейских) и заявок РСТ.

Неудачным видится приводимым М.И.Лифшином случаем, «... когда приоритет национальной заявки или патента относится к более ранней дате, чем публикация евразийской заявки, но последняя имеет более раннюю дату

приоритета». При этом вывод автора о правомочности выдачи национального патента, «...исходя из национального законодательства, учитывая факт, что до своей публикации евразийская заявка (при экспертизе национальной заявки) не могла входить в уровень техники», ошибочен. Уже отмечалось, что содержание евразийской заявки входит в уровень техники с даты ее подачи, а не с даты публикации.

Из-за отсутствия положения о приравнивании евразийской заявки к национальной, также сомнению подвергается применение договаривающимися государствами нормы ст. 13 (1) ЕАПК, согласно которой споры о действительности евразийского патента или его нарушении разрешаются на основании ЕАПК и Патентной инструкции к ней. Предчувствуя шаткость подобной аргументации, автор в поддержку своих колебаний ссылается на норму ст. 22 (1) ЕАПК (независимость национальных патентных систем), которая к данной проблеме прямого отношения не имеет.

Здесь, конечно, желаемое принимается за действительное. Трудно поверить, что демократические, общепризнанные принципы международного права (приоритет их по отношению к противоречащим им нормам национального права) можно подвергнуть ревизии в правоприменительной практике государств – участников ЕАПК.

На мой взгляд, целесообразно прокомментировать правило 52 Патентной инструкции к ЕАПК, изложенное довольно-таки лапидарно. Его содержание (и с этим следует согласиться) затруднительно для понимания даже специалистов в области маркетинга и патентных исследований: «*В договаривающемся государстве права, вытекающие из евразийской заявки или евразийского патента с более ранней датой подачи заявки или с более ранним приоритетом, имеют преимущество перед правами, вытекающими из последующей национальной заявки, поданной до даты публикации этой евразийской заявки, или из национального патента на тождественное изобретение наравне с национальными заявками и национальными патентами и наоборот*».

В приведенной формулировке слово «наоборот» (надо признать, не совсем удачное решение в смысле юридической техники) должно заменять следующий текст: «*В договаривающемся госу-*

дарстве права, вытекающие из национальной заявки или национального патента с более ранней датой подачи заявки или с более ранним приоритетом, имеют преимущество перед правами, вытекающими из последующей евразийской заявки, поданной до даты публикации этой национальной заявки, или из евразийского патента на тождественное изобретение».

Правило 52 исключает **совмещение охраны** вследствие столкновения предшествующей евразийской заявки (патента) с последующей национальной заявкой (патентом) и наоборот, – предшествующей национальной заявки (патента) с последующей евразийской заявкой (патентом). Здесь идет речь о так называемых «старших» и «младших» правах, основанных на разных приоритетах. Как правило, наиболее остро эта проблема возникает при последовательной подаче заявок на тождественные изобретения. При этом подача второй (последующей) заявки происходит до момента публикации первой (предшествующей) заявки.

Предшествующая евразийская заявка (с более ранней датой подачи или с более ранним приоритетом) порочит новизну последующей национальной заявки наравне с предшествующей национальной заявкой. Следовательно, чтобы исключить совмещение охраны, евразийская заявка рассматривается как национальная. Кстати, это один из примеров приравнивания евразийской заявки к национальной, помимо возможного ее преобразования в национальные патентные заявки, предусмотренного в ст. 16 ЕАПК.

Однако ни евразийское патентное законодательство, ни патентные законодательства государств – участников ЕАПК не регламентируют совмещение охраны (называемой иногда двойным патентованием) на основе евразийского и национального патентов, выданных на одно и то же изобретение с одинаковой датой приоритета. Как известно, ЕПК (ст. 139 (3)) относит решение этого вопроса к компетенции договаривающихся государств, большинство из которых запрещает совмещение (кумуляцию) различных видов правовой охраны после выдачи европейского патента. В таких случаях национальный патент прекращает свое действие с даты, на которую истек срок подачи возражения против выдачи европейского патен-

та и такое возражение не подано, или закончено производство по возражениям с сохранением в силе европейского патента.

Двойное патентование, на что мне приходилось ранее указывать, создает правовую неопределенность для третьих лиц, поскольку, например, в случае признания одного из патентов недействительным второй продолжает свое действие*.

Следовательно, проблема двойного патентования все еще ждет своего разрешения.

К сожалению, некоторые положения евразийского патентного законодательства искажаются при толковании, несмотря на их достаточно простые и четкие формулировки в патентной литературе и подробные комментарии. Так, М.И. Лифсон, характеризуя **единый характер действия евразийского патента**, по сути дела противопоставляет даты его публикации и выдачи. В то время как они совпадают, о чем прямо указано в правиле 51 (1) Патентной инструкции в редакции от 25 – 26 ноября 1997 г., введенной в действие с 1 марта 1998 г.** Кроме того, теперь пошлина за выдачу и публикацию евразийского патента должна быть уплачена в течение не трех, а четырех месяцев, и не с даты уведомления, а с даты направления заявителю уведомления ЕАПВ о готовности выдать патент.

Напомню, что единый характер и срок действия евразийского патента на территории всех государств – участников ЕАПК исчисляется после его выдачи. Продолжительность этого срока зависит от соотношения даты подачи заявки и даты выдачи евразийского патента. При этом обязанность указать название каждого договаривающегося государства возникает у патентовладельца одновременно с необходимостью уплатить первую годовую пошлину за поддержание евразийского патента в силе после его выдачи (на дату, соответствующую дате подачи заявки), а не после уведомления заявителя о выдаче патента, как пытается убедить нас автор.

Кроме того, эффект единого евра-

* Патенты и лицензии. 1997. № 8. С. 17.

** Изменения и дополнения Патентной инструкции к Евразийской патентной конвенции // Бюллетень Евразийского патентного ведомства: Изобретения (евразийские заявки и патенты). 1998. № 1. С. 29.

зийского патента не наступает не в результате одновременного указания названия каждого договаривающегося государства и уплаты пошлины за поддержание его в силе, а при совпадении календарных дат подачи евразийской заявки и выдачи евразийского патента (на практике этот феномен, на мой взгляд, наблюдается крайне редко), когда указание государств и уплата пошлин должны осуществляться незамедлительно, а не по прошествии определенного времени, когда эти даты не совпадают.

Следовательно, дата указания названия каждого договаривающегося государства, в котором патентовладелец желает продолжить действие евразийского патента, с одновременной уплатой пошлины за поддержание его в силе может свидетельствовать о прекращении (при желании патентовладельца) единого характера действия евразийского патента во всех государствах – участниках ЕАПК.

Привлекают внимание предложения, направленные на совершенствование евразийского патентного законодательства.

Так, высказанное В.А.Ридером* мнение о том, что «...наднациональный принцип определения исчерпания прав патентообладателя в корне противоречит национальной концепции ЕАПК», оказалось провидческим. Как известно, с 1 марта 1998 г. в евразийском патентном законодательстве закреплен принцип «национального» исчерпания прав владельца евразийского патента: не признается нарушением евразийского патента использование запатентованного изобретения при введении в хозяйственный оборот продукта, изготовленного с применением запатентованного изобретения, самим патентовладельцем или с его согласия в том договаривающемся государстве, где действует евразийский патент, и в котором такое введение в хозяйственный оборот состоялось. Думается, что это положение повысит привлекательность евразийского патента, поскольку оно существенно усиливает патентную монополию

его владельца.

Однако не со всеми выводами, сделанными этим автором, можно согласиться. **Во-первых**, ссылка на статью А.Н.Григорьева, С.Ф.Мазнева, Ф.А.Киреевой* в подтверждение более высокого уровня затрат на услуги ЕАПК не корректна. Ведь упомянутые авторы привели весомые аргументы как раз в пользу евразийской процедуры патентования, в том числе при патентовании крупными транснациональными корпорациями в двух или трех государствах – участниках ЕАПК.

Во-вторых, при рассмотрении проблемы соотношения медико-фармацевтической регистрации лекарственных препаратов и реализации норм патентных законодательств государств – участников ЕАПК о нарушении исключительных прав патентовладельцев В.А.Ридер по существу выдвигает презумпцию недобросовестности правоприменительных органов этих государств при толковании ими понятия «введение в хозяйственный оборот» лекарственных препаратов. Автор предполагает, что правоприменительные органы договаривающихся государств будут отдавать предпочтение решениям регистрирующих органов о разрешении использовать лекарственные препараты на территории этих государств в ущерб действующим там охраняемым документам, в том числе и евразийским патентам на лекарственные препараты.

Очевидная слабость подобной аргументации несомненна. Думается, все же, что при возникновении подобных споров патентные поверенные государств – участников ЕАПК и евразийские патентные поверенные достойно защитят имущественные интересы своих клиентов – владельцев патентов на лекарственные препараты.

В заключение хотелось бы выразить уверенность в том, что объективное и беспристрастное обсуждение проблем, возникающих при применении евразийского патентного законодательства, будет способствовать укреплению и стабильному развитию евразийской патентной системы.

* Выгодна ли евразийская система патентования?//Патенты и лицензии. 1997. № 4. С.3 – 21.

* Патенты и лицензии. 1997. № 10. С.12.